

НЕБО, ОЛЕГ ПОЛНОЕ АВРАМЕНКО ЗВЁЗД

Олег Авраменко

Небо, полное звёзд

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Авраменко О. Е.

Небо, полное звёзд / О. Е. Авраменко — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Капитан Звёздного Флота Эрик Мальстрём дождался наконец пополнения в команде — на звездолёт «Кардифф» прибыли трое юных выпускников Звёздной школы. Их первый рейс только начинается, когда «Кардифф» обнаруживает дрейфующий в пространстве «Ковчег» — один из двух легендарных звездолётов, отправленных ещё четыре столетия назад с первыми колонистами на борту и бесследно исчезнувших вскоре после запуска. Пассажиры по-прежнему живы, хотя и пребывают в анабиозе. Возможно, удастся найти и спасти и второй корабль, направлявшийся к таинственной системе 519-й Стрельца?..

© Авраменко О. Е.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Олег Авраменко

Небо, полное звёзд

Фантастический роман

Глава 1

Новички

Я уже и забыл, какое небо на Марсе – грязно-синее, почти серое, с отливающими желтизной облаками. Я отвык от здешнего разреженного воздуха, колючего ветра и пробирающего до костей холода. Но самым неприятным был вездесущий марсианский песок – он моментально забился под одежду и заскрипел у меня на зубах, стоило мне выйти из люка челнока и сделать пару шагов вниз по трапу.

Марс оставался Марсом – суровой, неприветливой планетой. За пять столетий терраформирования его удалось приспособить для жизни людей, но превратить в цветущий, благодатный мир оказалось не под силу. В итоге получилась этакая смесь Сибири, Сахары и Гималайского высокогорья.

Следом за мной по трапу спустилась Краснова. Её стройную фигуру облегал утеплённый китель с электроподогревом, поэтому, в отличие от меня, она чувствовала себя вполне комфортно на холодном марсианском ветру. Мы вместе смотрели на небольшой белый гравикар с широкой зелёной полосой вдоль корпуса, который только что отчалил от здания космопорта и быстро заскользил над лётным полем, направляясь в нашу сторону.

Я вспомнил тот день, когда на точно таком же школьном каре (а может, и на этом самом) меня, четырнадцатилетнего мальчишку, доставили к орбитальному челноку и представили капитану корабля «Амстердам» Гильермо Лопесу – моему первому командиру. Под его началом я прослужил до двадцати лет, потом Лопес перевёлся в Исследовательский Департамент, и капитаном «Амстердама» стал старший помощник Бережной, а я занял его место второго пилота и старпома. Впрочем, в этой должности я пробыл недолго, лишь три с половиной года, после чего совершил очередной карьерный скачок и получил под своё командование корабль «Кардифф». А теперь вот настал мой черёд принимать новичков.

– Пятнадцать лет не была на Марсе, – задумчиво произнесла Краснова. – С тех пор как закончила школу. А ты, кэп?

– Тринадцать, – ответил я. – Тоже после школы. И никогда не хотелось вернуться.

Мы обменялись понимающими взглядами. Мало кто из выпускников Марсианской Звёздной школы испытывал тёплые или хотя бы ностальгические чувства к своей альма-матер. Семь лет учёбы в ней были далеко не лучшей порой в нашей жизни. Школа отняла у нас детство, и этого мы ей простить не могли. Но это вовсе не значит, что мы жалели о прошлом. Если бы можно было повернуть время вспять и заново прожить школьные годы, то лично я оставил бы всё, как есть. Другие, думаю, тоже.

Гравикар остановился возле нас, и из него вышло трое подростков в кадетских формах – два паренька и девочка; в руках они держали чемоданы с личными вещами. А сопровождал их, к моему несказанному удивлению, тот самый капитан Лопес. После его перехода в Департамент мы больше не встречались: «Амстердам» перевели на самый длительный из колониальных маршрутов – до планеты Эсперанса, а Лопес месяцами пропадал в дальних экспедициях, и так уж получилось, что наши пути ни разу не пересеклись. Зато, как и прежде, в информационных сетях Земли и других планет регулярно появлялись его новые статьи по астрофизике. Причём особо искать не приходилось – все ведущие университеты и научные центры непременно включали их в свои каталоги важнейших новинок. Капитан Лопес был не только астронавтом, но и видным учёным.

Меня поразило, как сильно он постарел за эти годы – его фигура потеряла былую выправку, заметно раздалась вширь, лицо покрыла сеть мелких морщин, а из-под форменной

фуражки выбивались совсем уже седые волосы. И он больше не был капитаном – на его погонах сверкали адмиральские звёзды.

После обмена приветствиями, Лопес сказал:

– Вот, капитан Мальстрём, привёл вам пополнение. Прошу любить и жаловать. – Затем повернулся к своим подопечным, которые с робким любопытством глазели на меня и Краснову. – Ну что ж, кадеты, ваша учёба закончилась, теперь начинается служба. Будьте достойны высокого звания... – Лопес умолк и прокашлялся. – Ай! К чёрту все эти речи. Ступайте, ребятки. Удачи вам.

Мигом сообразив, что адмирал хочет поговорить со мной, Краснова пригласила новичков пройти в челнок. Они старательно отсалютовали нам и вслед за моим старшим помощником поднялись по трапу к пассажирскому люку.

Лопес провёл их печальным взглядом, в котором явственно читалась зависть старости к юности. Потом снова посмотрел на меня.

– Чертовски рад нашей встрече, Эрик. У тебя всё в порядке?

– Грех жаловаться, – ответил я. – Как видите, уже команду кораблём.

Адмирал кивнул:

– Я был очень горд за тебя, когда ты стал капитаном. Не удивлюсь, если через пару лет ты получишь второй ранг.

Я небрежно пожал плечами.

– Звания для меня не главное. Я хотел бы перевестись в Исследовательский Департамент. Уже зондировал почву по поводу нового крейсера, спрашивал, есть ли смысл подавать рапорт, когда объявят о наборе экипажа. Но в штабе мне отсоветовали. Сказали, что мою кандидатуру даже рассматривать не станут. Мол, я ещё должен набраться опыта.

– Пожалуй, они правы, – сказал Лопес. – Ты из молодых да ранних, но настоящий опыт всё-таки приходит с годами. А командовать исследовательским кораблём – это огромная ответственность. Будь ты просто вторым пилотом, никаких проблем с переводом не возникло бы – у начальства ты на хорошем счету. Но ведь ты не согласишься на понижение в должности, верно? Даже ради службы в Департаменте.

– Конечно, не соглашусь, – подтвердил я. – Слишком уж привык быть капитаном.

– То-то и оно. Так что наберись терпения и жди. В среднем каждые полтора года в Исследовательском Департаменте освобождается одна капитанская должность. Тебе только двадцать семь, времени впереди много. Твоя карьера только начинается. – Он невольно вздохнул.

А я запоздало сообразил, что с моей стороны было не слишком тактично заводить разговор о Департаменте. Уж кому-кому, а Лопесу сам Бог велел с младых ногтей быть астронавтом-исследователем, но по семейным обстоятельствам он почти всю свою карьеру провёл на грузовых рейсах. Ещё в юности его угораздило жениться на девушке с Тауры – ближайшей к Земле звёздной колонии, а через несколько лет она попала в аварию и навсегда осталась инвалидом. Лопес любил её и бросить не мог, а перевод в Исследовательский Департамент означал бы его длительные многомесячные отлучки. Так он в течение четырёх десятилетий и летал между Землёй и Таурой – сначала вторым пилотом, а потом капитаном.

Его жена умерла семь лет назад, и только тогда Лопес стал свободным. К тому времени ему уже исполнилось шестьдесят, обычно в таком возрасте в Департамент не берут, тем более на должность капитана, однако для Лопеса, учитывая его научные заслуги, было сделано исключение. Но, как и следовало ожидать, ненадолго – уже само адмиральское звание означало, что он ушёл из Большого Космоса...

– Ну а вы, адмирал? – спросил я осторожно. – Давно вас... э-э... *подкосило*?

Лопес нахмурился.

– Ещё пять лет назад.

– Пять лет? – удивился я. – Странно, что я ничего не слышал.

– Об этом никто не знал. Я ушёл с рейсов лишь в начале этого года.

– Ого! – Я был поражён. – Долго вы продержались!

– Да, долго. Сам не ожидал. Скрывал это от всех, обманывал врачей – очень уж хотел дотянуть до семидесяти... Но не дотянул.

– Вас вычислили?

– Нет, это было моё собственное решение. Мне становилось всё труднее переносить длительный гипердрайв, наконец я понял, что уже не могу в полной мере исполнять капитанские обязанности, поэтому подал рапорт об отставке. Притворился, что у меня только-только началась вторая стадия, и в медкомиссии мне поверили. Совсем увольняться со службы ещё не хотелось, но для испытателя я был уже староват, а штабная должность меня не привлекала, так что пошёл инструктором в школу. Теперь учу подрастающее поколение – короткие полёты для меня не проблема.

– И как это, быть учителем в нашей школе? – полюбопытствовал я.

– Трудно, – признался Лопес. – Невероятно трудно. Словно ходишь по лезвию ножа. Стоит проявить немного мягкости, как дети начинают требовать поблажек, жалуются, что не успевают с заданиями, и в результате тормозится весь учебный процесс. Излишняя строгость тоже не к добру – тогда ученики утверждают в мысли, что такому преподавателю всё равно не угодишь, хоть как ни старайся... – Лопес покачал головой. – Мне совсем не нравится, что мы так загружаем ребят, заставляем их вкалывать с утра до ночи, почти не оставляя им времени для досуга – а только для отдыха. Это неправильно, несправедливо... но иначе нельзя.

Я это понимал. Мы все понимали. Наш Звёздный Флот и без того испытывал хроническую нехватку кадров – и чем дальше, тем сильнее. А каждый лишний год обучения – потеря ещё более сотни специалистов.

– Боюсь, вы недолго продержитесь на этой работе, – сказал я откровенно. – Вы отличный командир, замечательный наставник, но слишком добрый и мягкий человек для школьного учителя.

Лопес хмыкнул.

– Думаешь, другие преподаватели бессердечные? Они тоже люди, им тоже жалко детей... Хотя, возможно, ты прав. Будущее покажет. Если у меня ничего не получится в школе, пойду работать в университет, буду читать лекции по астрофизике. Меня, кстати, уже приглашают – но ни на Земле, ни на Марсе я не останусь. Выберу одну из звёздных колоний... Любую, кроме Тауры. – При этом в его взгляде на короткое мгновение мелькнула затаённая боль. – Скорее всего, Цефею.

– В Эсперо-Сити тоже неплохой университет, – заметил я.

Он слегка усмехнулся.

– Агитируешь за свою планету? Вижу, ты по-настоящему привязался к Эсперансе.

– Да, – подтвердил я. – За эти семь лет она стала моим домом. Может быть, я пристрастен, но считаю её лучшей из всех колоний.

– Твоё мнение разделяют многие. Я тоже рассматриваю Эсперансу как один из возможных вариантов. А точнее – как второй, после Цефеи. Но окончательного решения ещё не принял. – С этими словами он посмотрел на часы. – Ладно, Эрик, мне пора. Через десять минут нужно сопровождать следующую группу. Желаю тебе удачи. И будь для ребят хорошим командиром.

– Постараюсь быть таким, как вы, адмирал.

Когда я поднялся на борт челнока, Краснова ожидала меня у люка шлюзовой камеры.

– Как там новички? – спросил я.

– Сидят тихо, как мышки, – ответила она с явным неодобрением в голосе. – Растерянные и даже немного обиженные. Адмирал поступил неправильно – оборвал напутственную речь, не

представил их тебе как положено. Я, конечно, понимаю: он хотел, чтобы всё было по-простому, без формальностей, но они это не оценили.

– Ничего страшного, – сказал я. – Сейчас всё исправлю. А ты ступай в кабину, запрашивай разрешение на взлёт.

– Хорошо, кэп.

Краснова направилась в пилотскую кабину, а я прошёл в пассажирский салон. При моём появлении ребята быстро поднялись со своих мест.

– Садитесь, – махнул я рукой. – И можете снять кители, здесь довольно тепло.

Они последовали моему совету. Тем временем я устроился в кресле напротив и смерил всех троих изучающим взглядом. Мне ещё вчера прислали личные дела новых членов команды, но я не стал их смотреть, так как сначала хотел познакомиться с ребятами лично. Первое впечатление – самое важное, и я не собирался портить его под влиянием чьего-то чужого мнения.

Двое пареньков внешне представляли полную противоположность друг другу. Один был рыжий и конопатый, с грубыми чертами лица, рослый, крепкого телосложения. Другой – невысокий хрупкий блондин с ясно-голубыми глазами и смазливый девичьим лицом. Он казался значительно моложе своего рыжего товарища, хотя на самом деле всем им было по четырнадцать. Что же касается девочки, то выглядела она вполне заурядно – худенькая кареглазая шатенка, довольно милая, но далеко не такая красивая, как второй из мальчиков.

Я уже собирался заговорить, когда включился интерком и голос Красновой произнёс:

– Кэп, диспетчерская дала разрешение на взлёт.

– Отлично, – сказал я. – Действуй.

– Принято. Начинаю руление. Инерционные гасители задействованы.

Я почувствовал, как кресло подо мной проседает, а тело наливается дополнительной тяжестью – Краснова включила на борту челнока искусственную гравитацию и довела её уровень до стандартной единицы. Ребята прореагировали на это нормально: все трое были родом с Земли, а в школьном общежитии для землян и выходцев из звёздных колоний поддерживалась земная сила тяжести, чтобы ученики не отвыкали от нормальной гравитации (что же касается марсиан, то из них комплектовались отдельные экипажи).

В салоне слышался слабый гул от работающих двигателей – звукоизоляция никогда не бывает идеальной. Мы вчетвером повернулись к ближайшему иллюминатору. Челнок покинул стоянку и по рулётке выехал на взлётную полосу. После короткого разбега машина взмыла в небо и стала быстро набирать высоту. В принципе, мы могли бы взлететь на и антигравитации, но Краснова, как и всякий пилот, при любой возможности предпочитала использовать реактивную тягу.

– Через полчаса прибудем на орбитальную станцию, и оттуда перейдём на наш корабль, – сказал я ребятам. – Там я представлю вас экипажу. А пока давайте знакомиться. Я капитан третьего ранга Мальстрём, командир межзвёздного транспорта «Кардифф», на котором вы будете служить. Надеюсь, мы неплохо сработаемся. – Я сделал короткую паузу и посмотрел на девочку. – Теперь твоя очередь.

Она тотчас вскочила, как подброшенная пружиной, и отчеканила:

– Кадет Хагривз, сэр! Основная специальность – пилотирование и навигация. Дополнительные специальности – информатика и связь, системы гипердрайва. Знание языков: свободное владение – английский, испанский; со словарём – немецкий, русский, итальянский.

Я поморщился.

– Ради бога, сядь! Не прыгай, как кенгуру. – Девочка смущённо села, и я, уже более мягким тоном, спросил у неё: – Так как тебя зовут?

– Кадет Хагривз, сэр. Марша Хагривз.

– Очень приятно, Марша, – сказал я. – Или лучше называть тебя Марси?

– Ну... Да, сэр. Я больше привыкла к Марси. Так меня все называли в школе. Марси на Марсе... – Она смущённо моргнула. – Это такой каламбур, сэр.

– Спасибо за объяснение, сам бы ни за что не догадался, – иронично произнёс я, чем вызвал у девочки слабую, еле заметную улыбку. – Так вот, Марси, улетающая с Марса. Ты должна уяснить одну вещь: я не люблю, когда ко мне обращаются «сэр». Предпочитаю «капитан» или «кэп». Понятно?

– Да, капитан.

– А вам, парни?

– Да, капитан, – хором ответили оба мальчика.

– Вот и хорошо. Слушайте дальше, – продолжал я. – Вы уже не школьники, так что забудьте про эти строевые штучки. – Я собирался добавить, что подобные «штучки» призваны крепче держать учеников в узде. Но затем вспомнил, что капитан Лопес об этом не говорил, пока я сам не разобрался. – В конце концов, мы не военные, и я требую от вас просто *разумной дисциплины*. А от того, что вы всякий раз будете вытягиваться в струнку и отдавать честь, вам не прибавится ни ума, ни знаний, ни опыта. У нас на корабле не казарма, а дружный и сплочённый коллектив, можно даже сказать, семья из двенадцати человек – теперь, вместе с вами, будет пятнадцать. Разумеется, мы подчиняемся уставу и соблюдаем субординацию – но без лишних формальностей. Во внеслужебное время ваши старшие коллеги обычно будут называть вас по имени, на вахте – по фамилии. А вы обращайтесь к ним либо по должности, либо званию, не добавляя «сэр», «мэм» или их аналоги на других языках. И для справки: старший помощник Краснова предпочитает, чтобы её называли «старпом», а главный инженер Штерн – просто «шеф», и ему безразлично, что у военных так обращаются к сержантам и старшинам. Вам всё ясно?

Ребята подтвердили, что ясно, и мы продолжили знакомство. Рослого паренька звали Милош Саблич, он был инженером широкого профиля – редкий случай для свежеиспечённого выпускника. Это значило, что он овладел всеми инженерными специальностями, которые преподавались в школе.

– А какая из них основная? – спросил я.

– Все, – самодовольно ответил Милош. – По каждой я прошёл полный курс и получил высшие баллы.

Понятно, круглый отличник. В школе я таких не любил, они раздражали меня своей «правильностью». А повзрослев, как правило становились бездушными сухарями. Я эгоистично порадовался, что с Милошем в основном будет иметь дело наш главный инженер, и повернулся к худенькому мальчику:

– Ну, а ты?

– Симон Гарнье, – робко представился тот, – хозяйственная служба. Дополнительная специальность... – тут он замялся, уши его покраснели, – полевые операции.

Губы Милоша слегка изогнулись в усмешке, а вот в глазах Марси явственно промелькнуло сочувствие. Всех школьников, кто не проходил по «титульным» специальностям пилотов или инженеров, в обязательном порядке готовили к полевым операциям – под этим подразумевался весь комплекс навыков, необходимых для высадки на неизученные планеты в составе десантных групп. Ввиду своего хрупкого телосложения Симон ничуть не годился на роль бесстрашного покорителя иных миров. Да и особым умом, похоже, не отличался, раз не смог получить никакой другой квалификации, кроме хозяйственника.

Но даже такой простой парень, как он, представлял огромную ценность. Ведь в Звёздный Флот принимали отнюдь не по умственным способностям и не по физическим данным, а совсем по другим критериям. Вернее, по одному-единственному, который назывался резистентностью. И никакого конкурса не существовало – брали всех подряд, да ещё жаловались на острую нехватку кадров.

– Твоя вторая специальность нам не понадобится, – успокоил я Симона. – Зато первая очень даже пригодится. С тех пор как наш стюард ушёл на пенсию, всеми хозяйственными делами у нас занимается техник Карла Беккер. Вот только на камбузе от неё мало толку – кулинарными способностями она, мягко говоря, не блещет. Надеюсь, ты хорошо готовишь?

– Ну... неплохо.

Марси сделала движение, как будто хотела чисто по-школьному поднять руку. Я кивнул ей.

– Симон скромничает, капитан, – сообщила девочка. – Он *отлично* готовит. Моя подруга, которая вместе с ним изучала кулинарию, говорит, что он всегда был самым лучшим в классе.

– Это здорово, – сказал я. – Выходит, нам крупно повезло.

Симон выглядел польщённым. А Милош тихо фыркнул, демонстрируя своё презрение к такой «несерьёзной» профессии. Глупый, заносчивый мальчишка. Он просто не понимает, каково это – неделями питаться всухомятку или наскоро приготовленными полуфабрикатами.

– Вот мы и познакомились, – подытожил я. – Теперь о том, что ждёт вас на корабле. Ты, Симон, получишь в своё распоряжение камбуз. Об остальных обязанностях стюарда пока не думай: сейчас твоя главная и единственная задача – кормить команду. Непосредственно будешь подчиняться старшему технику Морено. Что касается тебя, Милош, то твоим начальником, естественно, будет шеф Штерн. Он и решит, чем конкретно ты займёшься. Ну а ты, Марси, пойдёшь под мою руку, станешь третьим пилотом. Соответственно мы будем и вашими наставниками. Не стесняйтесь обращаться к нам со своими проблемами. А пожелаете продолжить образование – рассчитывайте на нашу помощь и поддержку.

– Да, капитан, – быстро вставила Марси, воспользовавшись моей паузой. – Это очень хорошо. В школе я изучала ещё три специальности, но мне не хватило самой чуточки, чтобы сдать экзамены. Я бы хотела это исправить.

Я покачал головой:

– Не стоит так спешить. В ближайшие несколько месяцев я не советую вам думать об учёбе. Сосредоточьтесь на выполнении своих служебных обязанностей. По сравнению со школой, у вас появится гораздо больше свободного времени – но ведь и ответственность неизмеримо возрастёт. Поэтому на досуге отдыхайте и развлекайтесь. Побольше общайтесь с членами команды, играйте в игры, слушайте музыку, смотрите фильмы, читайте книжки.

Милош пренебрежительно скривился. Я понял, что уж он точно не станет читать книжек, а единственное развлечение, которое себе позволит, это регулярные занятия в спортзале. Остальное время будет проводить за учёбой, стремясь ещё больше расширить свой широкий инженерный профиль. Парень определённо был безнадёжен...

Марси снова дёрнула руку.

– Капитан, а когда мы отправляемся в рейс?

– Через шестнадцать часов, – ответил я. – Завтра в восемь тридцать по бортовому времени. Порт назначения – Цефея. Обычно мы работаем на маршруте «Земля – Эсперанса», но иногда, как вот сейчас, нас посылают и к другим планетам.

– Будем вести на буксире баржу?

Я, конечно, не стал объяснять ей, что по неписаным правилам Звёздного Флота корабль с новичком-пилотом на борту свой первый рейс совершает в одиночку. Вместо этого я сказал:

– На этот раз летим налегке. У нас очень ответственное задание – везём очередную группу детишек.

– То есть партию эмбрионов? – уточнил Милош.

Я посмотрел на него долгим взглядом. Потом с расстановкой произнёс:

– И всё же мы предпочитаем называть их детьми.

Глава 2

«Кардифф»

На следующий день я проснулся несколько раньше обычного – в шесть утра, чтобы без спешки совершить обход корабля перед намеченным на полдевятого стартом. Но оказалось, что я не был самой ранней пташкой: меня опередил Симон Гарнье, которому не терпелось поскорее приступить к обязанностям на камбузе (вчера он успел лишь осмотреть своё новое хозяйство).

Я обнаружил это, когда отослал кухонному автомату заказ на стандартный завтрак, а через минуту, вместо привычной пиццы с грибами, получил по мини-лифту изумительную мясную запеканку и необыкновенно вкусный овощной салат. Даже кофе был каким-то особенным; я пил его не спеша, смакуя каждый глоток, и удовлетворённо думал о том, что теперь располагаю полнокомплектным экипажем для корабля такого класса, как «Кардифф» – три пилота (включая меня), пять инженеров, пять техников, врач и повар-стюард. Последний, впрочем, тоже принадлежал к техникам – в Звёздном Флоте отсутствовали рядовые матросы и старшины, а все астронавты делились на техников и офицеров; однако стюардов, в силу их особого положения на корабле, было принято относить к отдельной категории.

Начиная предстартовый обход, я первым делом заглянул на камбуз, где Симон как раз загружал в лифт завтрак для Ольги Красновой и её мужа, Теодора Штерна. Служба супругов на одном корабле была обычным явлением в Звёздном Флоте. Кроме Красновой и Штерна, у нас на «Кардиффе» были ещё две семейные пары – инженер Анна Гамбарини со старшим техником Хуаном Морено и техник Мари Лакруа с заместителем главного инженера Жорже Оливейрой.

Когда я похвалил Симона за роскошный завтрак, он весь расцвёл и быстро приготовил мне вторую чашку кофе.

– И всё же, Симон, – сказал я, – не советую тебе так рано вставать. Поднимайся с остальными в семь утра. Завтракать мы привыкли на скорую руку. Наш прежний стюард занимался только обедом и ужином.

– Так ведь у него, наверное, были и другие обязанности, – возразил Симон. – А я занят только на камбузе, и завтраки для меня не проблема. Если с вечера всё наготовить, то утром останется только включить духовки и нарезать овощи. Буду просыпаться минут на сорок раньше, вот и всё.

– Гм... Я бы не хотел, чтобы ты работал с утра до самого вечера. У тебя должно быть свободное время.

Мальчик улыбнулся:

– Времени хватит, капитан. По сравнению со школой... К тому же я люблю готовить. Для меня это не работа, а удовольствие.

Я кивнул:

– Прекрасно тебя понимаю. Для меня моя работа – тоже сплошное удовольствие. А чем ещё ты любишь заниматься?

– Читать, – ответил он с таким смущённым видом, словно признавался в чём-то зазорном.

В школе чтение художественной литературы, конечно, не запрещалось, но и не приветствовалось. Бюрократы из правительства считали, что это отвлекает учеников от занятий более полезными вещами. Эти же бюрократы наверняка объяснили бы низкие оценки Симона по большинству школьных предметов его увлечением «лёгким чтивом». Мне же представлялось, что у парня просто душа не лежала к учёбе. Бывают такие дети – вроде не глупые, но не желающие слишком много учиться. К тому же, как я знал из его личного дела, у Симона был чисто

гуманитарный склад ума: он не сдал ни одного экзамена по техническим специальностям, зато без труда овладел всеми восемью официальными языками Федерации.

Прежде чем покинуть камбуз я сказал:

– Книги – это хорошо, Симон. Полезно и для ума, и для сердца. Я тоже люблю читать.

Потом я зашёл в контрольный центр систем жизнеобеспечения, который располагался в одном отсеке с медсанчастью. Этим хозяйством у нас заведовал судовой врач, пятидесятилетний Сергей Качур – самый старший член экипажа и единственный из нас, кто получил свою основную специальность уже не в школе, а в университете. Медицина всегда была уязвимым местом в подготовке кадров для Звёздного Флота. Как показала практика, даже самое интенсивное обучение не позволяло сделать из подростка квалифицированного врача – ведь для того, чтобы успешно лечить людей, нужны не только знания и практика, но ещё и определённый жизненный опыт, который приходит только с годами.

Поэтому в школе ограничивались изучением лишь основ медицины, лучшие выпускники по этой специальности получали дипломы фельдшеров и медсестёр, а вот будущих врачей набирали уже из действующих астронавтов в возрасте двадцати лет. Их отправляли в медицинский центр при Мюнхенском университете, где они за четыре года проходили ускоренное обучение и интернатуру. Как правило, этого было достаточно, чтобы во время полёта следить за здоровьем экипажа, лечить обычные недомогания и даже делать простейшие, но неотложные операции. Впрочем, доктор Качур лет был способен и на большее, поскольку в период между двадцатью пятью и сорока годами трижды проходил полугодовые курсы повышения квалификации. В своё время он надеялся перевестись в Исследовательский Департамент, где предъявляли более высокие требования к профессиональным навыкам врачей. К сожалению, в силу разных обстоятельств, его планы так и не осуществились.

Доктора Качура на месте я не застал – он тоже совершал обход корабля, чтобы в последний раз перед стартом взять пробы воздуха и воды во всех жилых помещениях. А пост в контрольном центре занимала техник Сьюзан Грегори, двадцатитрёхлетняя брюнетка с симпатичным веснушчатым лицом. Она встретила меня немного сонной улыбкой:

– Доброе утро, кэп.

– Здравствуй, Сью, – ответил я. – Как готовность к старту?

Она взглянула на один из дисплеев, где выводилась диагностическая информация о состоянии бортовых систем жизнеобеспечения.

– Проверка пошла уже по второму кругу. Всё работает исправно. Наша служба к полёту готова.

– Вот и хорошо, – сказал я и внимательнее присмотрелся к ней. – Ты что, не выспалась?

Сьюзан покачала головой:

– Как раз наоборот. Вчера я слишком рано легла, собиралась посмотреть перед сном фильм, но почти сразу заснула и продрыхла десять часов.

– Понятно, – кивнул я. – Значит, до сих пор не можешь проснуться?

– Да нет, кэп, со мной всё в порядке, – заверила она. – Только голова... ну, немного тяжёлая. Совсем чуть-чуть. Но это ничего – сейчас выпью вторую чашку кофе и буду в норме. Кстати, наш новенький повар готовит изумительно вкусный кофе.

– А, что там кофе! – небрежно повёл я плечами. – Вот запеканка была просто супер. Тебе понравилась?

– Я не пробовала, – ответила Сьюзан. – На завтрак я ем только фрукты. Разве ты не помнишь?

– Конечно, помню, – сказал я, стараясь выглядеть невозмутимым. – Просто из головы вылетело.

Мне всегда становилось неловко, когда Сюзан напоминала о наших былых отношениях, поэтому я поспешил закончить инспекцию центра жизнеобеспечения и направился в кормовую часть корабля, где располагался двигательный отсек.

Мне очень нравилась Сюзан. Меня влекло к ней буквально с первого дня моей службы на «Кардиффе», и она тоже не оставалась ко мне равнодушной. Весь позапрошлый год мы были вместе, и я даже решил, что наконец нашёл себе пару, начал подумывать о женитьбе... но ничего не получилось.

Я так и не понял, какая кошка между нами пробежала. Судя по всему, и Сюзан этого не понимала. Не было ни ссор, ни скандалов, просто мы внезапно и без какой-либо видимой причины охладели друг к другу. Ещё какое-то время пытались наладить наши отношения, но всё было напрасно. А после очередного короткого отпуска на Эсперансе, который мы решили провести порознь, каждый из нас вернулся с твёрдой уверенностью, что в личном плане между нами больше ничего быть не может.

Правду сказать, я ожидал, что Сюзан попросит перевести её на другой корабль. К таким просьбам (тем более, когда речь шла о неудачном романе с капитаном) руководство Флота относилось с пониманием и находило приемлемое для всех сторон решение проблемы. Однако рапорт о переводе Сюзан не подала и продолжала служить на «Кардиффе», а наши поначалу натянутые отношения со временем стали ровными и сугубо профессиональными.

Хотя не стану скрывать: в глубине души я очень сожалел о нашем разрыве. И Сюзан, без сомнения, тоже. Но ни я, ни она не желали возврата к прошлому...

Ровно в восемь часов, завершив обход всего корабля, я вошёл в штурманскую рубку. Там уже находилось трое человек – старший помощник Ольга Краснова, новоиспечённый третий пилот Марша Хагривз, а также суб-лейтенант Хироши Йосидо, дежурный по мостику инженер, ответственный за работу компьютерных систем навигации, средств внешней защиты, наблюдения и связи. Марси явилась без моего специального приглашения, но в полном соответствии с правилами, которые требовали, чтобы при отбытии корабля в рейс в рубке присутствовали все штатные пилоты.

Я распорядился начать окончательную проверку готовности бортовых систем. Краснова и Йосидо принялись за работу, а я повернулся к Марси, которая стояла рядом с моим капитанским креслом.

– Вчера вечером просмотрел твоё личное дело. Оказывается, лётную практику ты сдала лучше всех в классе.

Девочка покраснела от удовольствия.

– Я не знала...

– Теперь знаешь. Поздравляю.

– Спасибо, капитан. – Она немного помедлила в нерешительности, затем спросила: – А я буду нести отдельную вахту, или только ассистировать вам со старшим помощником?

– Получишь отдельную вахту. Сегодня – во вторую смену. Но я, конечно, буду присматривать за тобой.

К восьми тридцати проверка бортовых систем закончилась, и я объявил старт. С запущенными на полную мощность термоядерными двигателями «Кардифф» покинул орбиту Марса и устремился в межпланетное пространство. Но вовсе не для того, чтобы набрать определённую скорость, причина была другая. Вопреки распространённому среди обывателей мнению, для сверхсветового прыжка не требовалось никакого разгона – ведь движение в природе всё равно относительно. Однако переход в гипердрайв сопровождался мощным электромагнитным импульсом, и правила безопасности запрещали это делать вблизи населённых планет, космических станций и других кораблей, чтобы избежать помех в работе систем связи.

Через четверть часа Йосидо доложил:

– Кэп, предупреждение от Марсианской Противокосмической Обороны. Впереди обнаружен внутрисистемный транспорт Азиатского Союза, следующий по встречному курсу. Скорость – двенадцать с половиной. Расстояние приличное – четыре триста, но нам советуют быть начеку.

– Понятно. Старпом, сколько до гипердрайва?

– Шесть минут десять секунд, – ответила Краснова.

– Значит, успеем. Но на всякий случай включи дополнительную защиту, Йосидо. С них ещё станется долбануть по нам из лазерных пушек, а потом заявить, что приняли нас за крупный метеорит.

– Силовой экран задействован, – отрапортовал Хироши.

А Марси тихо произнесла:

– Вот же вредные!

– Не вредные, а озлобленные, – сказал я. – Они винят нас во всех своих бедах. В частности, считают, что Северная Федерация обделила их жизненным пространством. Сначала на Земле – когда им не позволили захватить Сибирь и Австралию, а потом и в космосе – когда мы не пустили их на Марс.

– И правильно сделали. Они же отказались участвовать в его терраформировании. Хотели прийти на всё готовенькое.

– По логике ты права, – согласился я. – Но чисто по-человечески... Всё-таки нужно учесть, что Федерация занимает добрую половину земной суши и при этом её население составляет лишь пятую часть от общей численности жителей Земли. Нам трудно представить, в каких кошмарных условиях живут остальные люди. У нас часто нарекают на низкий уровень жизни, безработицу, нехватку продовольствия, всё ухудшающуюся экологическую ситуацию. Но наши беды – ничто по сравнению с проблемами того же Азиатского Союза, Исламской Джамахирии и, особенно, Африканской Республики. Там творятся страшные вещи, а мы даже пальцем не шевельнём, чтобы чем-то помочь... Разве что покупаем у них резистентных детей, платим огромные деньги и лицемерно называем это гуманитарной помощью. Хотя прекрасно знаем, что почти вся эта «помощь» оседает в карманах их правителей, а простому народу достаются разве что жалкие крохи.

При моих последних словах Марси невольно покосилась на Йосидо. Двадцатидвухлетний Хироши заметил это и ухмыльнулся.

– Чего зыркаешь, малявка? Небось решила, что раз у меня глаза раскосые, то я уже «купленный»? – Он изображал иронию, хотя на самом деле испытывал досаду. – К твоему сведению, я не китаец, а японец, и моя страна – член Федерации.

Марси смущённо потупилась. Впрочем, её ошибку можно было понять. В Звёздной школе она постоянно имела дело с учениками разных азиатских национальностей и наверняка умела их различать. Однако Хироши Йосидо, стопроцентный японец, по странной прихоти природы выглядел как вылитый китаец. Несмотря на имя и фамилию, его часто принимали за «купленного» – что ему совершенно не нравилось.

Дальше мы молчали в ожидании первого прыжка. Наконец Краснова объявила:

– Двигательный отсек докладывает о готовности к гипердрайву. Начат тридцатисекундный отсчёт.

Я привычно бросил взгляд на дисплей, куда выводились характеристики пульса членов экипажа – по правилам каждый был обязан носить на запястье специальный браслет с датчиком. Показания свидетельствовали, что все на корабле бодрствуют. Гипердрайв не жаловал спящих.

Тридцать секунд истекло и мы вошли в сверхсветовой прыжок – спокойно и буднично, как делали это многие тысячи раз. В момент перехода в гипердрайв все люди на корабле почувствовали лёгкую заторможенность, словно мысли в наших головах внезапно натолкнулись на

невидимый упругий барьер. Но уже в следующую секунду барьер исчез и всё нормализовалось. К этому явлению мы привыкли ещё со школьных лет и перестали обращать на него внимание.

Краснова доложила:

– Системы гипердрайва работают в стабильном режиме. Расчётное время прыжка – 8 минут 52 секунды. Протяжённость – 0,47 парсека.

Все обзорные экраны в рубке зияли чернотой. Они ничего не показывали, так как снаружи ничего не было. Даже вакуума. Мы, астронавты, употребляем слова «лететь» и «полёт», подразумевая под этим последовательность прыжков; но никогда не называем полётом сам прыжок – тем более, полётом в гиперпространстве. Потому что нет никакого гиперпространства; есть лишь Абсолютное Ничто, Предвечная Пустота, которую мы пронзаем, чтобы добраться до звёзд. Пустота более ужасная, чем любой океан энергии...

Когда в 2177 году, немногим более четырёх столетий назад, была разработана теория гипердрайва и создан первый космический аппарат, который за сотые доли секунды преодолевал несколько астрономических единиц, всё человечество возликовало. Звёзды, которые раньше казались такими далёкими и недоступными, вдруг стали близкими и достижимыми. Перед людьми открылась дорога в Большой Космос, не ограниченный пределами Солнечной системы. Дорога к другим мирам, к новому жизненному пространству.

Затаив дыхание, перенаселённая Земля следила за экспериментами с животными – от мышей до обезьян. Потом медики долго наблюдали за четвероногими астронавтами, проводя различные тесты, пока не пришли к единодушному выводу, что гипердрайв не оказал на них вредного воздействия. Наконец настала очередь человека... и по всей планете прокатился вздох ужаса и разочарования.

Сверхсветовой прыжок не убивал людей, но полностью лишал их рассудка, превращал в безмозглых идиотов. Одно короткое мгновение гипердрайва буквально плавilo человеческие мозги, тогда как разум животных – и примитивный мышинный, и высокоразвитый у приматов – при этом нисколько не страдал. Положение не спасали и мягкие формы анабиоза, вроде гибернации. От безумия предохраняло только полное замораживание в криогенных камерах, но тут возникала другая, тоже неразрешимая проблема – в среднем восемь из десяти человек, подвергнутых жёсткому анабиозу, так и не оживали после размораживания, а уцелевшие нуждались в длительной восстановительной терапии. А если учесть, что там, у других звёзд, не было никого, кто мог бы оказать медицинскую помощь оживлённым людям, то вероятность смерти возрастала до всех ста процентов.

Путь в Большой Космос на деле оказался дорогой сквозь ад. Гипердрайв, конечно, нашёл практическое применение – беспилотные суда использовались для переброски срочных грузов в пределах Солнечной системы, а к звёздам отправлялись автоматические исследовательские станции, которые сокращённо именовались «автоматами». Но большинства людей это не касалось. Их волновали более насущные вопросы, прежде всего – перенаселённость, загрязнение окружающей среды и истощение природных ресурсов.

Тем не менее эксперименты со сверхсветовыми прыжками при участии человека не прекращались, благо в добровольцах недостатка не было. Учёные постоянно совершенствовали системы гипердрайва, испытывали разные модели и всевозможные режимы их работы, разрабатывали весьма хитроумные средства защиты – но всё безуспешно. Им не удавалось даже понять, почему гипердрайв разрушает человеческий разум. Это, кстати, до сих пор не известно.

Только спустя двадцать девять лет со времени изобретения гипердрайва, уже в начале XXIII века, случилось то, чего уже почти никто всерьёз не ожидал: очередной подопытный сохранил после прыжка здравый рассудок. Звали его Раден Афанди; как и многие другие добровольцы, он был нелегальным мигрантом и вызвался участвовать в эксперименте ради предоставления его семье гражданства Федерации.

Очень скоро стало очевидно, что ни режим гипердрайва, ни особенности конструкции данной конкретной модели, ни средства защиты не сыграли тут никакой роли. Причина была в самом Афанди, которого почти сразу назвали резистентным – то есть, сопротивляемым. Гораздо сложнее было выяснить – нет, даже не то, *почему* он не сошёл с ума, – а хотя бы *признак*, по которому можно отыскать других резистентных. В конце концов, после анализа тысяч различных вариантов, такой признак нашли. Он был достаточно прост и легко поддавался обнаружению при помощи серии несложных медицинских тестов. Вот только оказалось, что резистентные встречаются чрезвычайно редко – примерно один на два миллиона человек.

В Северной Федерации, где каждый гражданин имел доступ к медицине (если не к платной, то к страховой, а если не к страховой, то к социальной), почти всех резистентных выявляли ещё в младенческом возрасте. В других сверхдержавках Земли дела обстояли намного хуже и особенно плачевно – в Африканской Республике, где более трёх четвертей населения были лишены даже самого элементарного медицинского обслуживания. Правительство Федерации неоднократно предлагало африканцам помощь в проверке их детей на резистентность (разумеется, с выгодой для себя), но всякий раз тамошние власти выдвигали заведомо неприемлемые условия.

Как показали генетические исследования, резистентность не являлась наследственным признаком и не могла быть привита искусственно. Механизм её возникновения и функционирования так и остался неразгаданной загадкой. Распределение резистентных по различным расовым и этническим группам было приблизительно одинаково, а отклонения от среднего в ту или другую сторону не выходили за рамки статистической погрешности.

Зато обнаружилась существенная корреляция между резистентностью и умственными способностями. Априори логично было предположить, что коль скоро все животные, включительно с обезьянами, абсолютно нечувствительны к воздействию гипердрайва, то у людей сопротивляемостью должны обладать преимущественно индивидуумы с низким уровнем интеллекта. Однако в действительности картина оказалась прямо противоположной: у восьмидесяти процентов резистентных коэффициент умственного развития превышает сто двадцать единиц, тогда как по всему человечеству в целом таким показателем обладает лишь каждый шестой.

С открытием резистентности началась третья космическая эра – звёздная эра. Но для обычных людей это ничего не меняло. Все они, за исключением гостки избранных, по-прежнему были пленниками Солнечной системы, а проблема перенаселённости Земли оставалась всё так же актуальной. Человечество в целом обрело бессмертие – пусть и медленно, очень медленно, но оно всё же начало покорять Галактику. Зато отдельные индивидуумы, составляющие это человечество, были обречены умереть там, где и родились. Правда, у каждого ещё имелся шанс совершить межзвёздное путешествие в криогенной камере – теперь было кому позаботиться о выживших после разморозки. Но такой способ переселения на другие планеты, с вероятностью четыре к одному угодить на тот свет, не приобрёл широкой популярности. Хотя желающих рискнуть хватало – и как раз они (вернее, двадцать процентов выживших) становились основателями новых внеземных колоний.

Ну а мы, резистентные, стали орудием космической экспансии человечества. Как и ко всем, кто выделялся среди прочей массы людей, к нам относились двояко. Нами восхищались и нас презирали, нам завидовали и нас ненавидели, мы были элитой и париями. Мы были астронавтами – людьми, летающими к звёздам...

Наконец истекли неполные девять минут прыжка, и корабль вернулся в пространство. На обзорных экранах снова засияли звёзды. Мы находились на расстоянии полпарсека от Земли. Солнечный свет долетал сюда за полтора года.

Краснова сверилась с данными навигационного компьютера и сообщила:

– Выход произведён в расчётной точке. Девиация – 0,36 астроединиц.

Я посмотрел на Марси, собираясь отправить её из рубки. Но вдруг передумал. Девочка переминалась с ноги на ногу, глаза её лихорадочно блестели. По всему было видно, что ей не терпится сесть за пульт управления, только тогда она почувствует себя полноценным членом команды.

– Хагривз, – произнёс я.

– Да, капитан? – отозвалась Марси, приосанившись. Впервые я назвал её по фамилии, и она мигом сообразила, что сейчас я обращаюсь к ней как командир к подчинённому при исполнении обязанностей.

– Займи место пилота.

Тут Марси совершенно преобразилась. Спокойно и уверенно, без тени напускной бравады, она устроилась в кресле, которое освободила Краснова, отрегулировала его под себя и вывела на главный дисплей координаты второй опорной точки.

– Рассчитывать следующий прыжок, капитан?

– Действуй, – кивнул я.

Справилась Марси неплохо. Хотя и немного поторопилась с выбором точки входа – компьютер едва успел справиться с расчётом параметров гипердрайва, и вместо стандартного тридцатисекундного отсчёта был вынужден включить сокращённый десятисекундный.

– Ничего страшного, – сказал я, когда «Кардифф» ушёл в прыжок. – Такое порой случается со всеми, не только с новичками. Просто старайся не спешить. У нас, пилотов, есть такая поговорка: «минуту сэкономишь, час потеряешь». Запомни её.

– Я знаю, капитан, – ответила пристыженная Марси. – Её нам часто повторял адмирал Лопес. Но я забыла... увлеклась.

– Ничего страшного, – снова сказал я и быстро переглянулся с Красновой. Она слегка улыбнулась, кивнула и вышла из рубки.

Дальше всё шло гладко, без сучка и задоринки, и к четырнадцати тридцати, когда закончилась первая смена, «Кардифф» пролетел немногим более тринадцати парсеков – половину суточной нормы для корабля, идущего налегке, без баржи. На всех судах Звёздного Флота лётная вахта состояла из двух шестичасовых смен. Другие двенадцать часов, с полдевятого вечера до полдевятого утра, корабль просто дрейфовал в космосе. Это был оптимальный режим, позволяющий нашей нервной системе полностью восстановиться после дневной серии прыжков. Гипердрайв, хоть и слабо, но всё же воздействовал на резистентных; и не только в момент перехода, когда проявлялся мимолётный «эффект мыслетормоза», но и на протяжении всего прыжка, хотя сознательно мы этого не ощущали. А вот во сне, когда разум открыт и беззащитен, гипердрайв и вовсе был беспощаден. Однажды, ещё на «Амстердаме», я участвовал в круглосуточном полёте – и тогда мне снились роскошные кошмары.

В полтретьего Марси передала вахту Красновой, весьма довольная собой. Я тоже был доволен ею – она оказалась отличным пилотом. Что тут говорить, у меня были серьёзные претензии к Звёздной школе, которая лишала учеников детства, давала им крайне однобокое образование. Но вместе с тем я не мог отрицать, что именно благодаря этому её выпускники уже в четырнадцатилетнем возрасте были настоящими профи по своей основной специальности.

– Это было совсем не трудно, – похвасталась Марси, когда мы вышли из штурманской рубки и направились в столовую, где нас ожидал приготовленный Симоном обед (по утверждению Красновой, «полный отпад»). – Я нисколько не устала.

– Трудны не сами прыжки, – заметил я. – Трудно изо дня в день, целые недели проводить в полёте.

– Так ведь это здорово!

– Конечно, здорово. Но и трудно – одно другому не мешает. Ты не спеши с выводами. Вот на обратном пути будем тянуть баржу – тогда посмотрим, как ты запоёшь.

– Не запою, – ответила она с улыбкой.

Я тоже усмехнулся. Марси, даром что была девчонкой, чертовски напоминала меня самого в таком же возрасте. Я ещё не решил, хорошо это или плохо.

* * *

С появлением в команде «Кардиффа» третьего пилота у меня ощутимо прибавилось времени для исполнения собственно капитанских обязанностей, которые прежде мне приходилось делить со старпомом Красновой и главным инженером Штерном. Это, впрочем, была обычная практика – примерно две трети кораблей Звёздного Флота летали с не до конца укомплектованными экипажами, особенно остро ощущалась нехватка пилотов, так что многим капитанам, а не только мне, приходилось ко всему прочему ежедневно нести лётную вахту. Я больше года бомбардировал штаб заявками, пока, наконец, к моему требованию не прислушались.

Правда, в первые три дня полёта я постоянно находился в штурманской рубке, когда дежурила Марси, и контролировал все её действия. Но постепенно убедился, что она успешно справляется как с самими прыжками, так и с грузом ответственности за управление кораблём. А с того момента, как Марси стала называть меня «кэп», вместо «капитан», я окончательно уверился в том, что она уже в достаточной мере освоилась на корабле, и начал всё чаще оставлять её на вахте одну – вернее, в паре с Хироши Йосидо, который, подобно многим инженерам, дополнительно изучал астронавигацию и в случае необходимости мог прийти ей на помощь. Хотя, надо сказать, такой необходимости ни разу не возникло.

Сто девяносто шесть парсеков, разделяющих Землю и Цефею, мы преодолели за неполные восемь суток. Это была старейшая (хоть и не ближайшая) звёздная колония Земли, её начали осваивать сразу после открытия резистентности и создания Звёздного Флота. К настоящему времени Цефея уже стала вполне самостоятельной колонией и больше не нуждалась в искусственном приросте населения. Тем не менее цефейцы, стремясь дополнительно разнообразить свой генофонд, время от времени заказывали с Земли детишек – разумеется, в виде эмбрионов. Ну а на Земле отбоя не было от желающих продолжить свой род на других планетах, так что детей хватало как для развивающихся колоний, так и для уже устоявшихся, вроде той же Цефеи или Эсперансы.

По правилам Звёздного Флота, после каждого перелёта в один конец экипажу корабля полагался день отпуска на планете (а если рейс длился больше четырнадцати суток, то целых два). Но, поскольку предназначенная для нас баржа уже была готова, мы решили не тратить заработанный выходной и отправились на Землю сразу после выгрузки из трюмов корабля контейнеров с зародышами и пополнения бортовых запасов продовольствия. Правда, Марси и Симон были немного разочарованы таким решением, но я объяснил им, что сейчас на Цефее не совсем подходящий сезон для экскурсий: на обоих заселённых континентах была поздняя осень с постоянными дождями и слякотью, а на Арктическом материке весь год царила зима.

– Ещё успеете побывать здесь летом, – пообещал я. – А знакомство с колониями вам лучше всего начать с Эсперансы. Помните моё слово: там вы будете рады, что сейчас мы сэкономили лишний день.

Наш обратный рейс был сложнее и длительнее, поскольку мы вели на буксире большую баржу, гружённую пятьюстами тысячами тонн отборного цефейского зерна для вечно недоедающих землян. Сама по себе процедура буксировки была проста: сначала мы по радиосвязи программировали навигационную систему баржи и отправляли её в прыжок, после чего сами следовали за ней.

По завершении гипердрайва возникала девиация – отклонение точки выхода из прыжка от наперёд заданных координат, которое подчас достигало одной астрономической единицы. Это не имело ничего общего с погрешностью расчётов и неточностью задания начальных усло-

вий. Девиация была следствием фундаментальных законов природы, единственным известным науке проявлением квантового принципа неопределённости на макроуровне. Как результат, после стандартного прыжка в полпарсека ведущий и ведомый корабли разделяло приличное расстояние – и хорошо ещё, если всего десяток-другой миллионов километров. Но в любом случае нам приходилось дополнительно совершать короткий прыжок к барже, чтобы иметь возможность отдавать ей инструкции в реальном времени, без длительного запаздывания. И всё начиналось по-новому.

В общем, дело было не таким уж и сложным, но куда более хлопотным, чем полёт в одиночку. Марси наконец узнала, почём фунт лиха, и перестала задирать нос, хотя по-прежнему отлично справлялась со своей работой. Кроме того, она больше не приставала ко мне со своими учебными планами – убедилась, что я был совершенно прав, когда советовал не спешить с дальнейшей учёбой, а сперва привыкнуть к службе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.